

Мария Соболева

Об обрядовой стороне рыболовецкого промысла на Поморском берегу Белого моря

(по итогам фольклорно-этнографических экспедиций 2009–2010 гг.)¹

Приметы — да, были... Лежит куча сетей — бросили горсть монет. Достали из моря пустую сеть — значит, приняло дар. Однажды одна монетка вернулась — не выполнили тогда план. В море всё, как на земле, абсолютно².

Вопрос о бытовании ритуалов в народной культуре — один из самых актуальных в современной науке. По мнению ведущих исследователей, именно ритуал «как комплекс единообразных правил поведения» влияет на устойчивость культуры и её жизнеспособность³. Степень сохранности традиционных представлений можно назвать «лакмусовой бумажкой» состояния культуры в целом.

Состояние рыболовецкого промысла и его ритуально-обрядовой стороны (и даже сама память о ней) — своеобразное зеркало, отражающее внутренние процессы традиционного уклада жизни поморов в современных социально-экономических условиях. Рыболовный промысел всегда был основным занятием поморов, источником экономической жизни⁴. Морской уклад жизни заметно повлиял на народный календарь: в ряд традиционно отмечаемых праздников включился промысловый календарь и промысловая обрядность. Связанные с морским пространством обряды и ритуалы составили весомую часть культуры поморов, материальной и духовной. Так, специфика моря и морского промысла породила «развитую систему поверий, сочетавшуюся с промысловым опытом»⁵, тем самым оказав большое влияние на традиционную систему верований поморов. Мы постарались выявить, какие представления сохранились и какие функции

¹ Источниками для настоящей работы послужили архивные материалы Фольклорно-этнографического центра Санкт-Петербургской консерватории; авторские полевые записи: аудио-, видео- материалы и экспедиционные дневники фольклорно-этнографических экспедиций 2009–2010 гг. в Республике Карелия (г. Кемь, с. Шуерецкое, с. Сумский Посад, с. Колежма — 2009; г. Беломорск, с. Нюхча — 2010; руководитель экспедиции — м.н.с. ФЭЦ СПбГК Е.В. Самойлова). Также хотелось бы отметить ряд публикаций, не попавших в сноски, но учтенных при подготовке статьи: Гемп К.П. Сказ о Беломорье. Словарь поморских речений. Архангельск, 2004; Крысанов А.А. Поморские промыслы (Онежский уезд 1861-1916 гг.). Онега, 2000; Овсянников О.В. Поморская промысловая «энциклопедия» конца XVIII в. // Культура Русского Севера. Л., 1988; Русские народные песни Карельского Поморья / Сост. А.П. Разумова, Т.А. Коски, А.А. Митрофанова. Л., 1971; Русская свадьба Карельского Поморья / Изд. подгот. А.П. Разумова, Т.А. Коски. Петрозаводск, 1980; Самойлова Е.В. Кукла в системе коммуникации с демонологическими персонажами // Образный мир традиционной культуры. М., 2010.

² АФЭЦ ОАФ: 475-483, респ. Карелия, Беломорский р-н, с. Нюхча (зап. А. Зубарева, 2010 г.).

³ См.: Байбури А.К. Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточно-славянских обрядов. СПб., 1993. С. 5.

⁴ О морской промысловой системе хозяйства см. подробно: Бернштам Т.А. 1) Поморы: Формирование группы и система хозяйства. Л., 1978; 2) Народная культура Поморья. М., 2009.

⁵ См.: Бернштам Т.А. Народная культура... С. 179.

они выполняют на материале традиции локальной территории — четырёх крупнейших сёл Поморского берега: с. Шуерецкого, с. Сумский Посад, дер. Колежмы и с. Нюхча. В основном полученные сведения касались ритуального оформления ухода и возвращения рыбаков с промысла, а также примет и поверий, связанных с ним (на них жители Поморского берега ориентируются и до сих пор).

Человек – море

Существование ритуальных практик, примет и представлений, связанных с рыболовецким промыслом, вызвано восприятием моря как пространства, в котором действуют иные правила по сравнению с домашним, обжитым, и необходимостью воздействовать на это пространство, устанавливать с ним определённые отношения.

Об этом пишет Л.Д. Попова: «Море становится особым сакральным пространством и наделяется хтонической семантикой иного мира, в котором испытываются духовно-нравственные основания, крепость веры, самостояния человека»⁶. Суть этого замечания ёмко выражена известной поговоркой «Кто в море не бывал, так тот и не малывался». В народных представлениях, связанных с морем, прослеживается характерное деление пространства на две сферы — «своё» и «чужое», то есть обжитое пространство дома и пространство моря. Неслучайно на их границе часто находились культовые сооружения (кресты, часовни, храмы), игравшие важную роль в религиозной жизни населения⁷. Мария Степановна Мыхина из Колежмы вспоминает, что в такую часовню у выхода в море женщины могли приносить деньги, когда мужчины уходили в море на промысел. Также практически все наши информанты рассказывают об обетных крестах на берегу моря: «При выходе в море стоял крест у часовни»; «Крест стоит у моря... Когда ездили в море, крестились, просили помощи у Бога, Николая Угодника»⁸.

Представление о море как сакральном пространстве — своеобразный «центр тяжести» всего комплекса традиционной культуры Поморья. Отсюда — постоянное присутствие морского пространства и его элементов в разнообразных практиках, напрямую и непосредственно, казалось бы, с ним не связанных. Так, в качестве ключевой

пространственной позиции море выступает в некоторых видах хозяйственной деятельности, например, в выпасе скота. На Поморском берегу принято было выгонять лошадей на берег моря или, как ещё говорили — «лошадей выпустить в море»⁹. Также широко была распространена традиция ездить на острова в Белом море на сенокос — так называемые «морские покосы»: «Плыли в море, косили... Сено лежало до зимы там, зимой его вывозили на лошадях»¹⁰. Морское сено — солёное — считалось особенно полезным.

С представлением моря как сакрального пространства связано восприятие поморами рыбы как «хлеба насущного»¹¹. Многие жители подтверждают, что на всех основных, знаковых праздниках и событиях (Рождество, Пасха, свадьба, помин) были обязательны рыбники¹². Анастасия Даниловна Иванова из Нюхчи так вспоминает подготовку к Пасхе: «Также стряпали. Уж рыбники чтоб на столе обязательно были. Говорят, без рыбников и стол пустой. Вечером их пекли, на Пасху уже дым нельзя пускать. До 12 ночи уже всё должно быть испеченное, в 12 ночи уже Христа встречали»¹³. В числе других продуктов рыбу часто клали в *поминальники* — специальные корзиночки, которые носили богомольным старушкам в поминальные дни, прося помянуть близкого человека или родственника.

Интересно в этом отношении использование рыбы в шуточном, игровом контексте. Антонина Павловна Миронова из Шуерецкого вспоминает рассказ своей свекрови о том, как на Святки пришёл гуляльщик¹⁴ и предложил картать¹⁵ шерсть двумя замороженными камбалами: «Заморозили две большие камбалы, вот, приходит, держит. „Хозяюшка, давай шерсть картать!“»¹⁶

Рыба могла быть олицетворением женского начала. Любопытное сравнение привёл рыбак Константин Константинович Демидов из Сумского Посада, рассказывая о сдаивании икры на рыбзаводе: «Приезжает специалист с рыбзавода... Набухает икра в животах, и они просто берут её и глядят по животику. Ну, женщина, видимо, тоже — у вас приходит срок, когда девять

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

¹¹ См.: Бернштам Т.А. Народная культура... С. 78.

¹² Закрытый пирог с запеченной в нем рыбой.

¹³ АФЭЦ ОВФ: Республика Карелия, Беломорский р-н, с. Нюхча, касс. 5 (зап. М. Григорьева, 2010 г.).

¹⁴ То же, что ряженный.

¹⁵ Карты — специальные приспособления для сваливания шерсти.

¹⁶ АФЭЦ ОВФ: Республика Карелия, Беломорский р-н, с. Шуерецкое, касс. 4 (зап. М. Григорьева, 2009 г.).

⁶ См.: Попова Л.Д. Сакральные основания культуры русского города (на материалах Архангельска конца XVI – начала XX в.): Автореферат дис. ... д-ра культурологии. СПб., 2010. С. 16.

⁷ См.: Бернштам Т.А. Народная культура... С. 188.

⁸ АФЭЦ: экспедиционный дневник РФ-3354.

месяцев, вы тоже рождаете, мечете икру свою. Вот и соответственно рыба тоже мечет икру свою через определенное время»¹⁷.

Обряды ухода, встреча с морем

Как отмечает Т.А. Бернштам, из всех праздничных циклов, связанных с промысловой деятельностью, «самые важные были связаны с проводами и встречей „промышленников-мурманщиков“»¹⁸. Лучше всего в исследованных нами районах сохранилась память об обрядах, отмечающих начало и конец рыболовецкого промысла. Однако не только сезонный промысел, но и уход в море на более краткое время, прибрежный лов или лов на островах рождает свои представления — ведь остаётся сама система коммуникации «человек – море». Доминирующую роль этих ритуалов можно связать с тем, что «при выходе в путь актуализируется символика границы, разделения сфер дома и дороги»¹⁹, и граница эта требует своего ритуального оформления.

В исследованных нами деревнях сегодня, в основном, распространен краткий по продолжительности промысел — лов на островах и прибрежный лов, а в целом на первый план выдвигается сама возможность осуществления традиционного промысла: «Сейчас всё запрещать стали ловить, везде надо всякие условия — что ты не украд. В общем, больше стало контроля, чем это... Так нам разрешают там сколько... десять метров кажется, вот. А здесь они — каждая по пятнадцать. Сетки разрешают — каждая по пятьдесят, кажется, метров. А стандартная сетка идёт, дель, полотно — вот оно идёт тридцать метров... Вот эта мерёжа, бочка называется, её десять, два крыла вместе. Здесь два выходит — тридцать. Такую нельзя ставить... Почти каждый год что-нибудь придумывают новое. Не попался — значит всё, попался — значит договариваешься. Начальство от колхоза договаривается, а частник если, так сам договариваешься или штраф теперь платят... Сейчас-то начали, а до этого не было. При советской власти только размер ячеи — на навагу положено 24 мм, если 22 — всё, уже нарушение. Потому что — чтобы мелкая выходила рыба в эти ячейки»²⁰.

Тем не менее сведения о традиции проводов в море и встречи рыбаков с промысла со-

храняются в памяти достаточно отчётливо — в них участвовали ещё родители многих наших информантов.

Итак, сезонный промысел начинался весной и длился всё лето. Уезжали на Баренцево море (ещё говорили — «На Груман»²¹): до войны — на ёлах под парусом и на вёслах²²; позже добирались по железной дороге до становища Териберка, либо по воде²³. Уходили на сезонный промысел только мужчины; женщина могла поехать на Баренцево море только поварихой в звене, хотя на Белом море женщины рыбачили, особенно во время войны²⁴. Мужской характер этого занятия подчеркнул Юрий Изосимович Карманов из с. Нюхча: «Баб никогда не берут на пароход. Иначе утонем». Он же вспоминает, что женщины, оставаясь дома, должны были молиться за рыбаков²⁵.

Молитва, молебен занимали ключевое место в процессе проводов рыбаков. Сама ситуация ухода, тем более на жизненно важный морской промысел, в традиционном сознании имеет статус кризисной, а пространство между «своим» и «чужим», морем и домом воспринимается как пограничное. Ахлымова Людмила Васильевна из Шуерцкое вспоминает, что у выхода в море в селе стоял крест, проплывая мимо которого, всегда произносили молитву Николаю Угоднику: «Николай Угодник, помощник Божий, ты и в доме, ты и в поле, ты и в пути, и в дороге, на земле, на воде и в воздухе, помоги, обереги, сохрани»²⁶. Кроме охранительных молитв просили, «чтобы удача была у рыбака». А среди вещей, которые брали с собой на море, обязательно были иконы: «Берут иконы в дорогу, в море. В наше время — фотографии возьмишь семьи, жены, детей. В личных вещах хранили. Ну давали с собой подорожники — те же самые пироги. Что под рукой было, калач. Сумка была, чемодан»²⁷.

Молебен, как правило, заказывали перед уходом рыбаков: «А когда на море уходили, то

¹⁷ АФЭЦ ОВФ: Республика Карелия, Беломорский р-н, с. Сумский Посад, касс. 8 (зап. М. Григорьева, 2009 г.).

¹⁸ См.: Бернштам Т.А. Народная культура... С. 396.

¹⁹ См.: Щепанская Т.Б. Культура дороги в русской мифоритуальной традиции XIX–XX вв. М., 2003. С. 92.

²⁰ АФЭЦ ОВФ: Республика Карелия, Беломорский р-н, с. Нюхча, касс. 3 (зап. М. Григорьева, 2010 г.).

²¹ АФЭЦ ОВФ: Республика Карелия, Беломорский р-н, с. Шуерцкое, касс. 4 (зап. М. Григорьева, 2009 г.).

²² АФЭЦ ОВФ: Республика Карелия, Беломорский р-н, с. Нюхча, касс. 6 (зап. М. Григорьева, 2010 г.).

²³ АФЭЦ ОВФ: Республика Карелия, Беломорский р-н, с. Шуерцкое, касс. 4 (зап. М. Григорьева, 2009 г.).

²⁴ Интересно в этой связи высказывание одного из наших информантов о том, что рыбный лов не прекращался даже в экстремальных ситуациях: «Война войной, а обед — воярем». (Карманов Э.Ф., АФЭЦ ОВФ: Республика Карелия, Беломорский р-н, с. Нюхча, касс. 1 (зап. М. Григорьева, 2010 г.).

²⁵ АФЭЦ ОВФ: Республика Карелия, Беломорский р-н, с. Нюхча, касс. 1 (зап. М. Григорьева, 2010 г.).

²⁶ АФЭЦ: экспедиционный дневник РФ-3354.

²⁷ АФЭЦ ОАФ: 532-536, Республика Карелия, Беломорский р-н, с. Нюхча (зап. А. Зубарева, 2010 г.).

М.А. Полузеров вынимает из сети и выбрасывает за борт большие листья ламинарии.

всегда... была церковь, заказывали молебен, все шли... тогда уже тихо, ни песен... вот когда отвальная, так вот я не помню, что когда их собирали, как-то было всё спокойно... и все молились в церкви. Перед тем, как уходили. Это где-то, наверное, в конце марта – начале апреля, на Баренцево», — вспоминает Антонина Павловна Миронова из Шуерецкого²⁸.

Потомственный рыбак Александр Агеевич Евтюков из Сумского Посада акцентирует роль старших мужчин села во время проводов: «Старики-то они постоянно делали молитвы и всё... обычно Николаю Угоднику как покровителю, можно сказать, рыбаков... Как по книгам, по рассказам — перед выходом в море молебны были... но всё равно гибли люди. Раньше же ничего — ни моторов, ничего не было, на вёслах. Раньше на простых наших деревянных лодках ходили туда, на Баренцево море»²⁹. Об особой роли старших мужчин вспоминает Алексей Александрович Миронов из Шуерецкого, описывая праздничное застолье перед выходом в море: «Собирали стол, приходил мужчина знатный, чего-то шептал, провожал... Это старички ходили»³⁰.

Кроме молитвы существовали и другие способы воздействия на морскую стихию, например, с помощью так называемых даров морю, о чём вспоминают несколько наших информантов. Как правило, ритуал дарения был направлен на то, чтобы пространство моря «приняло» человека. Чаще всего встречаются сведения о том, что

в море бросали горсть монет. Галина Фёдоровна Патракеева из Нюхчи рассказывает о напутствии матери её брату перед первым выходом в море: «Ну когда он первый раз идёт в море — я запомнила — мама говорит: „Напиши, Галя, Сапе, что пойдёт, так вот денюгу какую-то, я забыла, чтоб бросил в море, «чтоб не качало, не убивало» — вот выражение такое, — не тошнило“. Первый раз когда идёт в море. <...> Так что-то говорили, но я уж сейчас не помню. Да, слова такие и сказать, как пойдёшь, вот только и брось денюжку туда, ну как... чтоб приняло его туда»³¹.

Кроме монет могли бросать и символическую часть еды: «Может, в море чего-нибудь бросят... Какой-нибудь там кусочек хлеба или спиртного каплю там за борт... Кто как, короче говоря»³².

Некоторые информанты трактуют подобное действие как приветствие моря: «Дядя благословлял, шептал... зайдешь на борт корабля, какие-то слова надо сказать... вот не помню <...> дал мне в марлю завернутое... маленький свёрток. „Поднимись на палубу, прошептать надо“, поздороваться с морем, „оглянись, если никто не смотрит, брось в воду“»³³.

Семья Мироновых из Шуерецкого довольно развёрнуто рассказала об обычае бросать золото в море³⁴, а также традиции одаривания людей во время промысла. Отчасти их сведения пересекаются с описанным в исследовании Т.А. Бернштам обычае *просить на поветерь*, который включал в себя одаривание женщины или детей, просивших: «Подайте-тось на поветерь, хозяйюшка», и был направлен на благополучное возвращение с промысла³⁵. По описанию наших информантов, одаривавшим был один из купцов, живших в селе: «Здесь были купец Кошкин, купец Койтов, купец Труфанов... Так вот купец Койтов, тот ходил, посылал этих... работников... или служанку отправлял. ...Положит деньги, медные, серебряные и золотые, и говорит: „Пойдёшь, встретится человек, он если что заслуживает, дашь золотые;

²⁸ АФЭЦ ОВФ: Республика Карелия, Беломорский р-н, с. Шуерецкое, касс. 4 (зап. М. Григорьева, 2009 г.).

²⁹ АФЭЦ: экспедиционный дневник РФ-3355.

³⁰ АФЭЦ ОВФ: Республика Карелия, Беломорский р-н, с. Шуерецкое, касс. 4 (зап. М. Григорьева, 2009 г.).

³¹ АФЭЦ ОВФ: Республика Карелия, Беломорский р-н, с. Нюхча, касс.6 (зап. М. Григорьева, 2010 г.).

³² АФЭЦ: экспедиционный дневник РФ-3354.

³³ АФЭЦ ОВФ: Республика Карелия, Беломорский р-н, с. Шуерецкое, касс. 4 (зап. М. Григорьева, 2009 г.).

³⁴ Рассказ информантов основан на воспоминаниях их родителей, то есть речь идёт о начале XX в.

³⁵ См.: Бернштам Т.А. Народная культура... С. 397–398.

встретиться такой... серебряные; а если там, бомж, ленивый, дай медные... и иди". Вот она обойдёт всех, пока эти мешочки не раздаст». Эта же семья рассказывает о ритуале бросания золота в море, в котором выстраивается похожая цепочка: купец давал золото работнику и отсылал его бросить золото в море с определёнными словами: «На море-то когда идет погода тихая, вот это значит тоже Труфанов... кто-то что-то не сделал... ходили и бросали золото... дарили... не сам он ходил... тоже, со словами... бросали золото в море. ...

Тянет погода день-два, неделю, вот погоду надо успокоить... так вот отсылал на лодочке куда-то и успокаивал море... а как там море буйное они шевелили, я откуда знаю». Итогом таких действий должна была стать благоприятная для промысловиков погода: «Как начнётся — ветры такие удобные, промысловые, и это... мужики всё говорили: „А, Койтовская поветерь пошла“, — значит он золотом задабривал, знали слова... были люди такие, которые знали»³⁶.

Промысел: нормы поведения, приметы

В процессе промысла выделяются пространство, места и ситуации, в которых поведение человека должно определенным образом регламентироваться. Например, в избушках, где жили во время промысла. Отдельный пласт представлений о поведении человека связан с пребыванием в кризисной ситуации на море — во время шторма.

Промысловые избушки стоят на островах в Белом море, многие жители акцентируют внимание на том, что у каждой семьи было своё место, «свой» остров. Эти избушки можно назвать аналогом домашнего пространства. Они «сохраняют наиболее архаичные традиции жилищного строительства»³⁷. Центром подобной избушки, как и любого жилого дома, была печка — *каменка*, которая стояла сразу у входа. Также были специально сделанные нары, на которых спали. Из возможных занятий вспоминают игры в карты, шахматы или домино³⁸. Поведение в избушках во время лова регламентируется: после себя приня-

С. Нюхча, Никольская церковь. Фотография К. Диодоровой

то было оставлять сухие дрова, крупу, сахар, чай (непортящиеся продукты), спички, могли также оставить керосиновую лампу — всё это на тот случай, если кому-то придётся «незапланировано» пережить здесь непогоду. В целом старались беречь пространство промысловой избушки, относиться к нему, как к домашнему: «Бардака не наводить. Хлеб оставлять, соль, спички... Мало ли, кто-то идёт, хоть обогрелся. Ну крупа, если была. И сейчас оставляют. Как дома... сам для себя и берегёшь»³⁹.

Рассказы о штормах, поведении людей в экстремальной ситуации, легенды о спасении составляют отдельный пласт народной устной культуры. С одной стороны, действия человека направлены на необходимость спасения, с другой — в поведении проявляется отношение к возможной смерти. Нам встретился рассказ с описанием поведения во время шторма и последующего «чудесного» спасения: «У них дедушка — они в Колежме жили — и у него судно было своё. И, говорит, попали в шторм, что вот уже команда... уже пошли переодеваться... вот в это бельё, чтоб... утонуть должны. А дедушка встал на руль. И, говорит, он рулил-рулил и, наверное, тоже ушёл уже. Что уже тонуть ушёл, уже видит... Переодеваются в чистое, говорит. Пришёл, наверное, поднялся когда и, говорит, стоит седой человек за рулём. Вот Анна, говорит, такое рассказывала. Не знаю, это правда или нет. Это вот кто-то помог значит, Бог, наверное, помог. Вот это как будто рассказ дедушки её...»⁴⁰ Отличительная черта поведения, описанная в этом рассказе — спокойное принятие возможной смерти и сознательная подготовка

³⁶ АФЭЦ ОВФ: Республика Карелия, Беломорский р-н, с. Шуерецкое, касс. 4 (зап. М. Григорьева, 2009 г.).

³⁷ См.: Бернштам Т.А. Народная культура... С. 52.

³⁸ АФЭЦ ОВФ: Республика Карелия, Беломорский р-н, с. Нюхча, касс. 3 (зап. М. Григорьева, 2010 г.).

³⁹ АФЭЦ ОАФ: 532-536, Республика Карелия, Беломорский р-н, с. Нюхча, (зап. А. Зубарева, 2010 г.).

⁴⁰ АФЭЦ ОАФ: Республика Карелия, Беломорский р-н, с. Сумский Посад, касс. 4 А (зап. А. Зубарева, 2009 г.).

Возок с рыбой. Фотография Э.Ф. Карманова

к ней. Вторая часть рассказа — собственно описание «спасения», также характерна: по сути в её основе лежит традиционное представление о том, что спасение в подобной ситуации зависит только от высших сил — Бога.

С представлениями о шторме как кризисной ситуации во время промысла связана традиция обетных и памятных крестов⁴¹. Так, жители с. Нюхча рассказывают, что во время шторма спасались у Колежомских островов и ставили кресты в память о том, что переждали шторм. Нам также встретилось несколько рассказов о крестах на месте гибели людей в шторм. Эдуард Фёдорович Карманов из с. Нюхча вспоминает, что на острове Пневатый находится крест с вырезанной на нём молитвой, поставленный в память о погибших там трёх женщинах⁴². Приведём отрывок беседы с жителями с. Нюхча Юрием Изосимовичем и Эдуардом Фёдоровичем Кармановыми о крестах на беломорских островах:

— *Ху-толь-да. Остров называется Хутольда.*

— *Там тоже крест стоит в память того, что 30 человек утонули.*

— *Да не тридцать.*

— *А сколько?*

— *Два или три креста было...*

— *А я не знаю, сколько там... Ну, крест стоит.*

— *А как они потонули? В шторм?*

— *Там, скорей всего, нашли труп — выкинуло и всё... Там пароход какой-то залило или лодку там, и их выкинуло на берег и там похоронили.*

— *И поставили эти кресты в память?*

— *Да, в память.*

— *А вот что-то делают в память об этих людях? Ходят, может быть, к этим крестам?*

— *Да кто ходит-то теперь?*

— *Девочка моя, кто там пойдёт?*

— *Никак это?..*

— *Никак. Стоит крест, значит стоит.*

— *Память не справляют никак, не поминают?*

— *Они даже не знают, кто там похоронен...*

— *Они еще начала двадцатого века. Вот эти... года.*

— *А вы слышали об этом от кого-то?*

— *На кресте написаны... фамилии.*

— *На кресте написаны?*

— *Да, вырезано ножом.*

— *Всё по разговорам. Как мы с тобой беседуем, так и этот крест стоит. Мы не знаем, что под этим крестом лежит, но знаем, что крест стоит.*

Проплывая мимо такого креста, могли поминать «всех усопших, всех погибших»⁴³. Бытует и современный способ поминовения — в годовщину ходят к месту гибели на море и бросают венки⁴⁴.

Возвращаясь к поведению в кризисной ситуации шторма, отметим, что на первый план — как и в процессе проводов рыбаков — снова выходит молитва, а шторм воспринимается как ситуация, не подконтрольная человеку: «Ничего ты не сделаешь, природу не победишь. Ты знаешь, что такое шторм? Это страшное дело. Стоишь носом на волну и тебя, извини меня, колбасит, как портянку. И ты стоишь — а чего ты сделаешь? Если умный капитан — он стоит. Когда это всё летает... ты сама помолишься хоть кому. Богу только надо молиться. В море надо только Богу молиться — никто тебе не поможет, никто. Вот пароход — как цепка, вот цепка брякает там в море... никто тебе не поможет никогда. Если ты выживешь — значит выживешь. Если тебе Бог дал потонуть — значит потонешь. У меня было — чуть не потонул. С племянником. Лодку разбило в лепёхи. Но силы воли хватило, характеру, и спасся. ...Вот так и спасались — Богом. Кто тебе поможет в море? Никто не поможет. Молитвой...»⁴⁵

Значимое место в системе народных представлений поморов занимают приметы,

⁴¹ Подробнее о крестах в промысловой культуре поморов см.: Филин П.А., Фризин Н.Н. Крест в промысловой культуре поморов Русского Севера // Статрографический сборник. М., 2001. Кн. 1. С. 166–198.

⁴² АФЭЦ ОВФ: Республика Карелия, Беломорский р-н, с. Нюхча, касс. 1 (зап. М. Григорьева, 2010 г.).

⁴³ АФЭЦ: экспедиционный дневник РФ-3354.

⁴⁴ АФЭЦ ОВФ: Республика Карелия, Беломорский р-н, с. Нюхча, касс. 1 (зап. М. Григорьева, 2010 г.).

⁴⁵ Там же..

связанные с определением биологического цикла морских рыб и промысловыми ветрами. Опытные рыбаки знали, в какое время какая идёт рыба: «Как узнать... Да мы уже знаем. Например, весной и осенью идёт селёдка-беломорка, корюшка ловится, навага, бычки попадают... как по-нашему, по-местному, керчак называется»⁴⁶. При этом сегодня периоды лова определённых видов рыб в большинстве случаев определяются по сезонам. Однако некоторые представители старшего поколения ориентируются по праздникам народно-церковного календаря. Житель с. Нюхча Александр Яковлевич Кокотов рассказывает о сроках *убежного*⁴⁷ лова и зимнего лова наваги: «Кончится вот этот убежный лов, лёд становится у берегов толстый, она уже отходит, откатывается вглубь... По первому ледоставу — у берегов как встанет гладко, хорошо... ну вот это где-то в начале декабря, как зима пойдёт. Иной год пойдёт рано зима: попадает — попадает, а потом тепло пойдёт — растает, по новой унесёт всё; ну второй раз замерзает, уже так не попадает. В начале декабря, до Нового года уже убежный лов кончается. А так вот, в конце ноября бывает и декабрь. А потом уже мерёжи ставят, прекращался убежный лов. ...Ну это испокон веков знали, что навага в это время идёт на нерест, так с икрой. ...Вот вымечет икру она примерно за январь и в конце января, на Крещение, она уже голодная, без икры, по новой идёт к берегу; примерно после Рождества она от берегов отходит и по новой на Крещение идет без икры, называется *голодайка* у нас»⁴⁸.

Пожалуй, наиболее активно сохраняется в традиции система примет, связанная с промысловыми ветрами: «Если человек опытный, он знает всё и знает все приметы какие-то, и места знает. И теперь ведь есть приметы всякие у рыбаков: с которой стороны ветер дует, когда лучше

Мерёжа. Фотография К. Диодоровой

рыба идёт. Это ведь тоже всё давние приметы»⁴⁹. Для народного представления о ветрах характерно не только точное знание их полезных свойств для промысла, но и облечение этих знаний в образную форму. Так, например, широко бытует представление о том, что у каждого ветра — свой характер, и именно этот характер определяет выгодность ветра для промысла.

Некоторые приметы привязывают появление определённого ветра в конкретный день, праздник. Говорили, что на Николу (22 мая) «морянка падала»⁵⁰, считалось, что в этот день или днём раньше была высока вероятность шторма. Также на Федосью-рыскуню (11 июня) погода обязательно «зарыщит» и падёт морянка⁵¹. Существовала традиция примечать по ночному небу: «Или там замечали, перед Пасхой смотрели на небо — будет ли что в лесу. Или в горах, если в той стороне небо тёмное, значит будут горы богатые. В море светлое — значит, в море рыбы не будет».

Как же характеризуют ветра жители Поморского берега сегодня?⁵²

Восточный ветер — *сток* — считается неблагоприятным, нерыбным: «Вот восточный ветер будет, и ничего ты не будешь ловить», «Ветер восточный — рыба не идёт», «Он зимой холодный, летом голодный», «На восточном-то до сорока бывает морозу... Морозы бывают на восточном ветре, а рыбы нету. А на западном наоборот — рыба идёт, так зато мороза нету, чтоб заморозить её».

⁴⁹ АФЭЦ ОАФ: 522-524, Республика Карелия, Беломорский р-н, с. Нюхча (зап. А. Зубарева, 2010 г.).

⁵⁰ «Пала морянка» — подул сильный морской ветер.

⁵¹ АФЭЦ ОАФ: 522-524, Республика Карелия, Беломорский р-н, с. Нюхча, (зап. А. Зубарева, 2010 г.).

⁵² Там же.

⁴⁶ АФЭЦ ОВФ: Республика Карелия, Беломорский р-н, с. Нюхча, касс. 4 (зап. М. Григорьева, 2010 г.).

⁴⁷ В процессе убежного лова ставили у моря убаги — маленькие мерёжи; выпиливали во льду майну (узкий и длинный проход для рыбы) и Иордан для мерёжи; рубят ёлочки, их кладут на майну (то есть «захваивают»), чтобы рыба не выходила), делают «коридорчик» для рыбы, во время прилива рыба заходит, в отлив мережу достают [по описанию Кокотова А.Я.: АФЭЦ ОВФ: Республика Карелия, Беломорский р-н, с. Нюхча, касс. 4 (зап. М. Григорьева, 2010 г.)].

⁴⁸ Там же.

Выгрузка улова на берег. Фотография М.А. Полузерова

Южный ветер иначе назывался *горняк*. В Нюхче это объясняют тем, что «он дует с гор», и описывают этот ветер как «ни плохой, ни хороший».

Юго-западный ветер — *шалонник* — считался рыбным. Говорили, что «когда шалонник запалает, так волна пойдёт». «Обычно он шалеть начинает — вот солнце будет на него заходить». «Вот тоже приметы такие: потом, когда солнце проходит, ветер стихает, потом обратно, солнце прошло, ветер снова начинает дуть». Название ветра происходит от слова «шалить» и объясняется жителями так: «Раньше старики говорили: у шалонника жена вредная, она шалит у него. С утра его нету-нету, а солнце ближе к юго-западу — и он начинает палить. И вот так прозван. Но на нём хорошо — комаров нету, тёплый почти всё время».

Полуночник — северо-восточный ветер — называется самым «вредным, нехорошим, грязным, волну гонит с моря сильную». Это ветер нерыбный, холодный, «дождь на нём всё время».

Северный ветер — *морянка*, при нём штормит, это «холодный всегда ветер».

Побережник — северо-западный, считался самым чистым, лёгким ветром. Говорили, что побережник всегда «погоду сменит на хорошую».

Западный ветер — *запад* — переменчивый, зимой тёплый, не самый удобный для рыбалки: «А на западе — зима и лето. Может снег идти, может дождь идти, а может и чисто быть, сухо. ...Запад задул — значит рыбаки уже ждут, что

вот... ведь когда зимой рыбачат, надо чтобы был мороз, надо чтобы рыбу морозили, а оттепель на западном ветре пойдёт — вот и рыба не мёрзнет, какая рыбалка...»

Юго-восточный ветер — *обедник* — дождливый и непогодный, о нём говорили: «Обедник дождь тянет на себя, облака идут на ветер».

Возвращение

Главные вехи последнего этапа промысла — окончание лова и возвращение — также ритуально оформлялись. Нам встретилось упоминание о так называемом «прощании с морем» и благодарении его после завершения лова: «Когда заканчивали лов, собирались домой. Чтобы море отблагодарить — в море что-то бросали, оставляли — рукавицы, шапку, кому что не жалко. И прощались с морем... слов не знаю каких... Прощались с морем до будущего сезона. И все пели... «дубинушки», слова сами сочиняли...». Алексей Александрович Миронов из Шуерецкого вспоминает фрагмент песни, которую пели по окончании лова: «Эта ёла-октябрина, промышленяли два кувшина, третий... эй, дубинушка, давай, пошла...». Он же рассказал нам об обряде «прощания с морем»: по напутствию своего дяди он бросил за борт варежку и сказал — «прими, море, до свидания, больше мы здесь не будем».

В свою очередь пространство дома должно было быть подготовленным к приезду рыбаков. Для этого необходимо было знать, когда возвращаются рыбаки. Как правило, об этом сообщали. Кто-то, часто дети, прибежали и говорили, что «идут с моря». При этом детей одаривали: «Кто-то прибежит, скажет... заранее, кто увидит первый. Да хоть те же дети. ...Если что было, с собой привезут, одарят куском сахара — те, кто идут с моря. ...Ждут дома, с пирогами»⁵³.

В некоторых деревнях время возвращения можно было рассчитать по приливам и отливам. Например, в Нюхче можно было прийти только «с водой» — на дневной или ночной воде, «на куйпоге — не приедешь»: «На рыбалку уходишь, так примерно знаешь, когда вернешься, если непогода не застигнет. Обычно приходили с приливом всегда, вода-то идёт, по воде легче»⁵⁴.

В более позднее время о возвращении сообщали по телеграфу, слали телеграммы: «Ехали нюхотские, сумпосадские, кемляне, шуеречан было больше всех... были телеграммы «наши едут, наши приедут!» и вот ехали потом в товарных поездах.

⁵³ АФЭЦ ОАФ: 532-536, респ. Карелия, Беломорский р-н, с. Нюхча, (зап. А. Зубарева, 2010 г.).

⁵⁴ Там же.

Потом, значит, вот весь праздник был, встречали, а потом тогда вот осень. Начинали с мужиков всё стирать, они привозили белье, то, другое. Пироги пекли каждый день, жарёха, рыбники»⁵⁵.

Подготовка дома включала в себя тщательную уборку, приготовление праздничного стола, также обязательно топили баню. С приездом рыбаков начинался праздничный период, включавший в себя *гостьбы*, однако перед этим в каждом доме было своё застолье: «А возвращались как — встречали, значит, уже дома был порядок везде. Мужчин встречали дети... все радуются... Только я помню, когда уже они приезжали... как вот... раньше-то они уезжали до 1930-х — так на лошадях или, ещё говорят, волоком, так какая дорога... в Мурман, до Кеми, а потом с Кеми, с Рабочеостровска... А здесь, когда... я помню... это 30 какие-то годы... я 31-го года, так 7 лет... Вот ждали всех: «Папа приехал! Приехали!» И вот приезжают — папа, два брата. Привозили бочками, бочками катали рыбу — там треска, зубатка, палтус, рыбий жир... и вот все встречали, все радовались, готовили жарёху, пироги, кулебяки, значит... Когда они приезжали, по всей деревне был праздник. Пока приезжали все, каждый в своём доме. А потом недельку они тут расслаблялись... Общего пока не было застолья. Общее застолье было уже потом: начинают ходить в гости — брат к брату, сват к свату... такие посиделки начинаются...»⁵⁶

В целом можно сказать, что связанный с рыболовством комплекс ритуалов, несмотря на то что в практике функционирует фрагментарно, продолжает жить в памяти людей. В то же время различные приметы и поверья до сих пор являются «актуальным» пластом повседневности.

Приложение

О море в песенной поморской традиции

Мы уже затрагивали вопрос о том, как пространство моря и его элементы входят в структуру различных хозяйственных практик. Не менее значимую роль море играет для устного фольклора, в особенности для песенной поморской традиции. С одной стороны, песня могла быть составляющей самого промысла: часто пели, когда гребли на лодке⁵⁷, провожали рыбаков на промысел или встречали их с обратной дороги. С другой стороны, связанное с промыслом морское

пространство зачастую проникает в тексты песен (и в целом в устный фольклор⁵⁸) как тема, образ или сюжетный мотив. Причём эти песни могут быть разножанровыми и приуроченными к далёким (с бытовой точки зрения) от морского промысла ситуациям. Например, море может выступать как один из сюжетных мотивов свадебной песни: Мария Степановна Мыхина из д. Колежма вспоминает свадебную песню «Судном по морю»⁵⁹ (приводим фрагмент текста):

*Судном по морю,
Судном по морю
Николай да Григорьевич.
Пеша бережом,
Пеша бережом
Да как Нина Семеновна.
Крыкнула-зыкнула,
Крыкнула-зыкнула
Да своим зычным голосом:
— Стой-постой, милой муж,
Стой-постой, милой муж,
Николай да Григорьевич...*

Многие песни напрямую или косвенно связаны с морской тематикой: «Куда милый скрылся, / Где же буду я искать? / Оставил крушиться, / Плакать меня, горевать. / Оставил крушиться, / Плакать меня, горевать. / Пойду с горя к морю: / Не плывёт ли с моря что?...», «Кольцо души-девицы я в море уронил...», «Лодочка-поморочка, знакомый парусок...», «По Белу морю корабличек плывёт себе плывёт...»⁶⁰ Доходит и до того, что любая песня со сколько-нибудь значимой «морской» сюжетной составляющей считается «своей», «поморской». Например, три информанта (из Шуерецкого и Нюхчи) назвали популярную эстрадную песню «Ветер с моря дул» «поморской народной».

В заключении приведём текст лирической поморской песни, входившей в структуру морского промысла, «Сторона ли ты моя...»⁶¹ — по воспоминаниям одного из жителей с. Шуерецкое, именно эту песню раньше пели женщины, когда встречали мужчин с моря:

⁵⁵ АФЭЦ ОВФ: респ. Карелия, Беломорский р-н, с. Шуерецкое, касс. 4 (зап. М. Григорьева, 2009 г.).

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ АФЭЦ: экспедиционный дневник РФ-3354.

⁵⁸ Например, нам встретилась такая приговорка (говорили гостям, когда они садились за стол): «Купайте, гостюшки, ешь, Моремьяна» (Моремьяна — значит «живущая у моря») / АФЭЦ: экспедиционный дневник РФ-3354.

⁵⁹ АФЭЦ ОВФ: Республика Карелия, Беломорский р-н, д. Колежма, касс. 11 (зап. М. Григорьева, 2009 г.).

⁶⁰ АФЭЦ: экспедиционный дневник РФ-3354, РФ-3355.

⁶¹ Запись сделана Е.В. Самойловой в д. Поньгома в фольклорно-этнографической экспедиции ФЭЦ СПбГК в 2005 г.

Сторона ли ты моя, ой ты моя сторонущка да сторона,
Сторона родима, жалима,
Жалима. Да больше да век на тебе, ты моя сторонущка, да больше,
Больше да не бывать, не бывати,
Не бывати. Да мне черной-то грязи, травки да с муравейничком да больше,
Больше да не топтать, не топтати,
Не топтати. Да отца с матерью мне-то молодёшенькой да больше
Больше да не видать, не увидеть,
Не увидеть. Да вы-то не дуйте-ка с моря да ветерочеки, да вы да ветры,
Вы да ветра не дуйте, не тяните,
Не тяните. Да не мешайте-ка мне-то молодёшенькой, дайте-ка,
Дайте-ка думу думать, сподумать,
Сподумать. Да все-то я думушки с горя да передумала, да думала,
Мысли да перемыслила, размыслила.
Размыслила да то одна ли то едина думушка с кручинушкой да навеки
Навек навязалась, накачалась <...>

Думается, что даже в материалах всего двух экспедиций, как в капле воды, отражается традиционное восприятие поморами морского пространства как сакрального. Море до сих пор зачастую отождествляется жителями Поморского берега с самой жизнью: «Море надо любить, иначе удачи не будет. Море надо любить — это наше море, его надо любить, а иначе как — никак. Море — это наша жизнь»⁶².

Список информантов

Беломорский район, с. Шуерецкое (зап. М. Григорьева, А. Зубарева, 2009 г.)
Миронова Антонина Павловна, 1931 г.р.
Миронов Алексей Александрович, 1929 г.р.
Ахлымова Людмила Васильевна, 1934 г.р.
Беломорский район, с. Сумский Посад (зап. М. Григорьева, А. Зубарева, 2009 г.)
Митрохова Елизавета Алексеевна, 1934 г.р.
Пахомова Антонина Глебовна, 1947 г.р.
Евтюков Александр Агеевич, 1949 г.р.
Демидов Константин Константинович, 1954 г.р.
Беломорский район, д. Колежма (зап. М. Григорьева, А. Зубарева, 2009 г.)
Мыхина Мария Степановна, 1937 г.р.
Беломорский район, с. Нюхча (зап. М. Григорьева, А. Зубарева, 2010 г.)
Иванова Анастасия Даниловна, 1931 г.р.
Иванов Алексей Семёнович, 1935 г.р.
Карманов Юрий Изосимович, 1959 г.р.
Карманов Эдуард Федорович, 1948 г.р.
Карманова Валентина Николаевна, 1949 г.р.
Карманов Леонид Петрович, 1937 г.р.
Патракеева Галина Федоровна, 1937 г.р.

Используемые сокращения

АФЭЦ — архив Фольклорно-этнографического центра Санкт-Петербургской государственной консерватории им. Н.А. Римского-Корсакова, ОАФ — основной аудиофонд, ОВФ — основной видеофонд.

Соболева Мария Анатольевна

Выпускница Санкт-Петербургской консерватории (2010 г.), участник фольклорно-этнографических экспедиций по Поморскому берегу Белого моря (с 2009 г.).

⁶² АФЭЦ ОВФ: Республика Карелия, Беломорский р-н, с. Нюхча, касс. 1 (зап. М. Григорьева, 2010 г.).